

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ УДЫХЕЙЦЕВ

УДЫХЕЙЦЫ И УДЫХЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Удыхейский язык (удэгейский, удэхейский, удэйский язык) – один из языков тунгусо-маньчжурской группы (семьи), в которую входят также языки эвенков, эвенов, негидальцев, нанайцев, ульчей, ороков, орочей и маньчжур. Удыхейский язык вместе с близкородственным ороцким занимает в тунгусо-маньчжурских языках промежуточное положение, обладая классификационными признаками как северной, так и южной подгруппы (подробнее об этом ниже).

Различные названия народа и языка – *удыхе*, *удэге*, *удэ*, – представляют собой разные русские адаптивные формы одного и того же слова – самоназвания народа: *ud̄hə*. В слитном произношении это слово звучит как *ud̄h̄ ~ ud̄eh̄ [ud̄^{h̄}]*, почему и появилась у Е. Р. Шнейдера форма "*удэйский*". Форма "*удэге*", закрепившаяся в русском литературном языке благодаря знаменитому роману А. А. Фадеева "*Последний из удэге*", вероятно, передает восприятие удыхейской фонации данного слова с озвонченным фарингальным элементом – *ud̄h̄ə*, и была рассчитана, скорее всего, на южнорусское проточное *б*, которое однако в русском литературном произношении не возобладало. Поэтому русскую форму "*удэге*" следует считать основанной, в известном смысле, на фонетическом недоразумении, в связи с чем в данной книге в русском тексте везде употребляются слова: *удыхе (йцы)*, *удыхейский*.

Этнограф В. С. Стариков сближал этноним *удихе (ud̄h̄ə)* с чжурчжэньским словом *удю* 'лесные) дебри' [Grube 1896, 4, №61; ТМС II 927]. Однако этническое название по местности в удыхейском языке образуется с помощью афф. *-ука / -укэ* (т.е. в этом случае ожидалось бы слово **удиукаэ*). В морфологическом же строении

слова *udhə* вычленяется непродуктивный показатель множ. числа *-hə < *səl*, наличие которого предполагает, что корневая часть **udi* сама уже была названием какой-то родо-племенной группы, которая могла дать начало народности. В этом свете более правомерно сравнение, которое привел О.П.Сунник, этнонима *удихе* с названием одного из родов ульчей – *уди*. (см. ниже, с.11). С другой стороны, орочи и некоторые другие соседние народы называют удыхейцев *кәкар ~ кәкал*, в котором *кә* ‘край, берег’, *-ка* – афф. собирательной семантики, выявленный Е.П.Лебедевой в тунгусо-маньчжурском этнонимиконе, *-л ~ -р* – показатель множ. числа, т.е. *кәкар ~ кәкал* – «побережане, прибрежные жители».

В настоящее время удыхейцы расселены на территории Хабаровского и Приморского краев Российской Федерации, главным образом в материковой части Уссурийского края, в ряде крупных сел, организованных и построенных в 30-е и 50-е гг. вблизи традиционных их стойбищ: пос. Гвасюги на р. Хор, правом притоке Уссури; пос. Олон, Красный Яр и Верхний Перевал на р. Бикин, правом притоке Уссури; пос. Дальний Кут (бывш. Санчихеза) и Островное на р. Иман, правом притоке Уссури; с. Агзу (правильнее: Агдза, или Агза) на р. Агдза, притоке р. Самарги, впадающей в Татарский пролив; сс. Бира, Арсеньево и Рассвет на р. Анюй, правом притоке Амура; сёла Кукан и Снежное (Таломо) на р. Хунгари.

Удыхейцы относятся к числу коренных народностей указанной части Дальнего Востока. Исконными землями их обитания являлось побережье Японского моря, вдоль Сихотэ-Алиня, где они располагались стойбищами преимущественно в низовьях впадающих в море рек, в полосе около 600-700 км с юга на север (примерно, между нынешними пос. Терней и Гроссевичи). Это важное положение подтверждается данными этно- и топонимики: большое количество родовых названий, ставших ныне фамилиями, в том числе таких сугубо материковых родов, таких, как хорские Кимонко, иманские Каньчуга и др., являются производными от названий рек побережья: *Эһеукэ* (в русской передаче: Аянка) ‘жители р. *Эһе*’ (в русской передаче: р. Ахоба); *Пә’ука* ‘жители р. *Пә’* ~ *Пе’ә*’ (в русской передаче: р. Пея); *Кимоуко* (в русской передаче: Кимонко) ‘жители р. *Киму’*; *Амулицука* ‘жители р. *Амули’* (в русской передаче: р. Амгу); *Геуука* ‘жители р. *Геу’*; *Суаука* ‘жители р. *Суа’*; *Кумуоуко* ‘жители р. *Кумуо’* (ныне пос. Кузнецово); *Кэмэукэ* (в русской передаче: Каманка) ‘жители р. *Кэмэ’* (в русской передаче: р. (Великая) Кема). Название еще одного удыхейского рода связано с морским побережьем: *Кукциука* (в русской передаче: Кукчинка) – от слова *кукци* ‘часть берега за линией максимального прилива’). Поселения

в устьях рек служили своеобразными центрами консолидации семейств соответствующего рода, хотя проживание отдельных семей из других родов вполне допускалось. Поморское прошлое удыхейцев, которых часто называли *намукка* 'поморские, поморяне', подтверждает специфическая лексика – названия морской лодки, паруса, морской рыбы и морских животных (нерпы, тюленя и др).

Как удастся установить, северной границей распространения удыхейских зимовий является р. Ботчи (уд. *Ики*, ороц. *Икки*), севернее которой шла территория, занятая носителями ороцкого языка; поселение рода Пудза на р. Коппи, в местах проживания орочей, относится к позднему времени. Южная граница еще в 20-х гг. нынешнего века проходила по бухте Терней. В настоящее время по местам бывших родовых поселений по рекам бассейна Японского моря удыхейцы живут единично, за исключением небольшого села Агдза (вблизи впадения одноименной речки в реку Самаргу в ее среднем течении, примерно в 70 км от устья Самарги), куда съехались жители бывших становищ по рекам Самарга (уд. *Дата*), Единка (уд. *Изи*) и некоторые другие. Однако в более раннее время, в первой половине XIX в. и прежде, удыхейцы, как установлено исследованиями, были более многочисленны и располагались значительно южнее Тернея, вплоть до современной Находки. В результате интенсивного смешения с пришлым, хотя численно и не преобладавшим этническим элементом, удыхейцы этих мест утратили родной язык, обособились от остальной народности, превратившись в так называемых тазов [Браиловский 1901].

Общая численность удыхейцев (без тазов) по данным переписей колебалась с конца XIX в. в пределах полутора тысяч человек:

Год переписи	1926	1959	1970	1979	1989
Число лиц обоих полов	1357	1444	1469	1551	1902

Согласно переписи 1989 г. 24,3%, или менее 500 чел. признали родным язык своей национальности; русским языком владеют 17,6%, другими языками – 0,9%. Процент владеющих родным языком последние 40 лет неуклонно снижался. Это связано с низведением удыхейского языка до положения разговорного языка в быту и изъятием его из школьного обучения и других общественных сфер (радио, газеты, журналы, книги, местное самоуправление и т.п.), применение в которых наметилось было в 30-е годы – годы, так называемого советского языкового строительства. Одновременно с сокращением сфер функционирования удыхейского языка среди удыхейцев возрастал удельный вес удыхейско-русского дву-

язычия, однако отрицательным следует признать не сам факт двуязычия, а его качественную особенность, когда ведущим языком становится неродной, русский язык: в результате обучения в школе на русском языке, да еще в условиях школ-интернатов, т.е. в отрыве от родителей, дети утрачивали национальную артикуляторную базу, у них сокращался словарный запас и ухудшался автоматизм речепроизводства, что вызывало в итоге отрицательную установку на коммуницирование на родном языке. Сюда же следует добавить и фактор предпочтения русского языка в интернациональной среде поселков, какими стали почти все мононациональные в прошлом поселения удыхейцев. Так постепенно среди молодых поколений укоренялось полуактивное или даже пассивное (только понимание) знание родного языка.

Удыхейский язык в прошлом бесписьменный, каких-либо памятников на нем нет. Первые фиксации удыхейского лексикона относятся к концу XIX в., однако фонетически – в силу сложного звукового строя – они неточны. В начале 30-х гг. для удыхейского языка был разработан алфавит на латинский основе и выпущены первые (переводные) книги, учебники, словарь с грамматикой. Все это осуществилось благодаря подвижническому труду ленинградского ученого Е. Р. Шнейдера, археолога по первой специальности и лингвиста.¹ В 1936-1937 гг., когда (в соответствии с общей тенденцией тогдашней языковой политики) все вновь созданные алфавиты языков народов бывш. СССР переводили на русскую графику, удыхейский язык не был включен в этот процесс и книгопечатание, как и обучение, на нем прекратилось. С 80-х гг. осуществляются попытки по возрождению преподавания удыхейского языка в школе.

Литературный язык, начавший формироваться на базе хорского говора, не получил дальнейшего развития. В 1948-1949 гг. в переводе на русский язык было опубликовано первое художественное произведение удыхейского автора Джанси Кимонко [Зәанксі Кимонко] – повесть о недавней жизни удыхейцев «Там, где бежит Сукпай», выдержавшая около десятка изданий, однако ее удыхейский текст напечатан никогда не был. Несколько больше издано по удыхейскому фольклору, главным образом, сказки, но на языке оригинала есть лишь одно раннее издание Е. Р. Шнейдера сказки «Sələmægə» («Железное [чудовище]»).

Прямых свидетельств в письменных источниках об истории именно удыхейского этноса не содержится. Здесь возможны лишь

¹ В 1937 г. Е.Р.Шнейдер вместе с группой североведов был необоснованно репрессирован и расстрелян 8 января 1938 г. [Алпатов 1997, 231]. Его вдове после реабилитации мужа была выдана справка (которую она мне показывала в 1964 г.) о смерти Е.Р.Шнейдера в заключении "от цирроза печени".

предположения на основании различных – этнографических, лингвистических, археологических и т.п. данных. Археолог Э.В.Шавкунов связывает удыхейцев преемственной линией с чжурчжэнями (ИДВ 238-239), что по языковым показаниям сомнительно: в классификационных (т.е. существенных для истории языка) фонетических чертах чжурчжэньский язык проявляет себя как язык южной подгруппы, тогда как удыхейский – исконно "северный" язык с наложением позднее "южных" признаков [Кормушин 1982, 161]. В свете этого, речь могла бы идти как о вхождении предков удыхейцев в союз племен, предводительствовавшихся чжурчжэнями, так и об участии каких-то "осколков" чжурчжэней в формировании удыхейского этноса в более позднее, чем XII-XIII вв., время. К такому предположению позволяет придти вывод об определенной смешанности удыхейского языка (см. след. раздел).

Первый этап изучения удыхейского языка относится ко второй пол. XIX в. – нач. XX в., когда географы и этнографы производили записи слов и отдельных фраз, часто еще не отделяя удыхейский язык от ороцкого. Такие материалы содержатся в трудах И. Надарова, В. П. Маргаритова, С. Леонтовича, А. Протодияконова, С. Н. Браиловского, П. Шмидта, В. К. Арсеньева. Подлинно научные основы изучения всех сторон удыхейского языка заложены трудами Е. Р. Шнейдера. Необходимое внимание удыхейскому языку уделено в сравнительно-лингвистических работах В. И. Цинциус, В. А. Аврорина, О. П. Суника. Значительный лексический материал содержат этнографические исследования В.Г.Ларькина. Новый лексический материал (по ранее не обследованным группам на рр. Самарги, Бикина и Имана), собранный в 1964-1968 гг. И. В. Кормушиным, вошел, наряду с ранее изданными словарями Е. Р. Шнейдера (по группам хорских и анюйских удыхейцев), в фундаментальный «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975-77. Т. 1-2). В 70-80-е гг. исследования по отдельным проблемам удыхейского языка, фольклора, духовной и материальной культуры удыхейцев опубликовали А. Х. Гирфанова, Э.Н.Осокина, А. М. Певнов, В. В. Подмаскин, Г. Л. Радченко, М. Д. Симонов, А.Ф.Старцев, Ю. И. Шейкин.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 97-04-16273

И. В. Кормушин

УДЫХЕЙСКИЙ (УДЭГЕЙСКИЙ) ЯЗЫК

Рецензенты:

доктор филологических наук А. В. Дыбо,
М. В. Тольская

Кормушин И. В.
К 66 Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии.
Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь.
М.: Наука, 1998. 320 с.

ISBN 5-02-011292-5

В книге публикуется часть фольклорных текстов с переводами из большого собрания автора, пространный очерк фонетики, исследующий сложные и спорные вопросы звукового строя удыхейского языка, словарь, включающий большое количество слов, фиксируемых впервые и не вошедших в материалы автора, изданные в "Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков" (Л., 1975-1977. Т. I-II). Помимо этого дан краткий очерк морфологии, а вводная часть содержит заметки по материальной и духовной культуре удыхейцев недавнего прошлого.

Книга написана на основе полевых материалов автора и предназначена как для широкого круга читателей, интересующихся происхождением и бытованием удыхейцев, их фольклором, языком, так и для специалистов — прежде всего, этнографов и лингвистов тунгусо-маньчжуроведов, а также представителей смежных циклов — тюркологов, монголистов, корейстов, японистов, палеоазиатоведов и др.

Kormushin I. V.

К 66 Udyhe (Udeghe) Language. Materials on the Ethnic Culture. Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Glossary. M.: Nauka, 1998.

The book is based on expeditional materials, gathered in 1964-1974 by the author in the regions of living Udeghe people at Far East. It includes ethnographical data, folklore texts and its translations into Russian, sketches of phonetics and grammar, glossary.

For specialists in Manchu-Tonguse and Altaic languages.

ТП-98-1-158
ISBN 5-02-011292-5

© Кормушин И. В., 1998
© Рябышев Б. М., художественное
оформление, 1998
© Российская академия наук, 1998

